

У меня есть мечта построить храм

Роспись жертвенника Свято-Введенского собора Толгского монастыря. Ярославль. 1994 г.

Закончены работы по восстановлению московского храма Христа Спасителя. Кроме всего прочего, это еще и событие художественной жизни. О том, что мы в начале XXI века вкладываем в понятие "религиозное искусство", о тенденциях его развития мы говорим с одним из авторов новых росписей храма членом-корреспондентом Российской академии художеств Николаем МУХИНЫМ.

— Николай Александрович, в августе был основан фонд "Возрождение, сохранение и развитие Ярославской иконы". Учредителями фонда являются Российская академия художеств, правительство Ярославской области и Школа ярославской иконописи. Расскажите об этом фонде.

— В 92-м году при поддержке Ярославского департамента культуры была создана Школа ярославской иконописи. Учредителями ее стали епархиальное управление и группа художников, мною возглавляемая. Святейший Патриарх во время визита в Ярославль освятил нашу школу, что дало мощный импульс ее существованию. Однако база школы технически неважно оснащена. А специалисты, которые могли бы принимать участие в возрождении традиций, нуждаются в мастерских, не хватает специальной литературы, красок... Должны быть созданы какие-то минимальные условия для человека, который хотел бы посвятить свою жизнь иконописи и настенной храмовой живописи. Для того и создан фонд.

Моя задача была воссоздать артельный принцип, существовавший в средние века. Школа — это не учебное заведение. Сюда приходят готовые, профессиональные художники. Они окончили художественное училище, у них есть навыки, определенное мастерство. Наиболее перспективных и расположенных к этому виду занятия как раз и привлекаем в нашу школу. Прежде чем создавался артель, отсеялись десятки людей. Знаний нужно очень много — в этом деле немало всяких тонкостей, хитростей. Например, надо знать особенности архитектуры, с которой ты работаешь, и многое-многое другое. Сейчас наша артель состоит из пяти человек — все они настоящие профессионалы. И подтверждение тому — выигранный конкурс на право рас-

писывать храм Христа Спасителя. Раньше мы расписывали храмы в Америке, на Мальте, в Японии, в Грузии и, конечно, в России. В дальнейшем, когда заработает фонд, мне бы хотелось, чтобы таких артелей было несколько. Для этого нужна государственная поддержка, поддержка Академии художеств, которая уже ощутима, ну и, конечно, большое желание художников.

— В так называемом "Стоглаве" — сборнике постановлений русского церковного собора 1551 года — есть слова о том, что не подлежащим прощению смертным грехом считается, если учитель сознательно утаит от ученика что-либо из знаний и умений или скроет его талант, станет из зависти приуменьшать и унижать его. На каких принципах основывается творческий процесс и взаимоотношения "творцов святыни" в вашей школе?

— Отношения очень простые. Если ты лентяй, то люди от тебя уйдут. Если ты только руководишь и ничего сам не делаешь, то они тоже уйдут. И если люди умные с тобой работают, а у меня умные люди работают, то они начинают рассуждать, почему один и тот же фрагмент им сложно написать за три дня, а я могу это сделать за час. Сам я точно так же начинал.

— О современных иконописцах принято думать как об имитаторах или копиистах. Это справедливо на ваш взгляд?

— Невозможно слепо следовать традициям XVII века. Поскольку я живу в Ярославле, то каждый день вижу эти храмы, очень часто захожу в них, люблю стенную живопись, которая, конечно, наложила отпечаток на мое сознание. Но я художник конца XX века, и куда деть историю XX века — Пикассо, Матисса, Леже?.. Куда деть искусство, которое было позже? Хотел бы я того или не хотел, но я знаю то, чего не знали художники в XVII веке. Они

были искренне убеждены, что только так и никак иначе можно выражать свои мысли, выражать текст Библии на стене или доске. Сейчас информации очень много. Нужно через себя пропустить, проанализировать традиции XVII — XX веков. Я думаю, что самое главное не тупо копировать то, что делали мастера в XVII веке, — это будет мертвое искусство, фальшь, — а именно через свой темперамент, через свое понимание религии, через свое представление о Боге создавать религиозную живопись. Скажем, я делал список с иконы Федора Зубова и довольно точно его повторил. Если поставить две иконы рядом, то они практически не отличаются одна от другой. Но в моей копии отразилась другая склад мышления, другой темперамент и, наконец, другое время. Специалист сразу видит неуловимые движения кисти и акценты, которые мною расставлены иначе, чем у иконописца XVII века. Я не могу, как он, расставить акценты, не оттого, что я не умею, а потому, что мое представление о гармонии, о красоте — иное. Бывают такие задачи, когда нужно очень точно повторить икону. Это хорошо, но этого недостаточно. Церковное искусство находится в развитии. Есть эволюция церковной живописи.

— Одной из последних грандиозных работ, в которой ваша артель принимала участие, является восстановление храма Христа Спасителя. Как известно, изначально в нем были созданы композиции, выполненные в технике масляной живописи, что в целом не было свойственно росписи храмов. Не надежнее ли было бы отойти от оригинала в угоду долговечности и выбрать один из самых мобильных видов храмовой монументальной живописи — фреску?

— У нас все, что нарисовано на стене, почему-то называют фреской, хотя это далеко не так. Те фрески, которые у нас есть в России, XVI — XVIII веков не совсем фрески. Если в Италии климат мягкий и "аль-фреско" — это живопись по сырой штукатурке, то в России опять же в силу климатических особенностей часто использовалась роспись не по сырой штукатурке, а по влажной стене. В случае храма Христа Спасителя задача была очень конкретной — воссоз-

дать именно ту живопись, которая была. Патриархия приняла решение, что живопись в храме должна быть масляная. В порядке исключения моей бригаде было позволено писать темперой. Я очень этому рад, ибо знаю, что масло менее долговечный материал, чем темпера.

— Как вы могли бы охарактеризовать тот опыт, который приобрели, работая в храме?

— Храм такого масштаба я никогда не расписывал. Колоссальное пространство, объемы невероятные. Все это открывает новые возможности для художника-монументалиста. Здесь надо было попытаться понять, как мыслит Верещагин, а именно его росписи купола и алтарной части мы восстанавливали, как он писал, как рождалась эта живопись. Это одна из сложнейших задач, но очень увлекательная. Опыт мы получили колоссальный. Собрались художники из Москвы, Петербурга. У всех свои приемы, свои маленькие хитрости. Очень интересно наблюдать, как работают другие мастера. Я очень много для себя почерпнул. Это как раз та неоценимая школа, о которой мы уже говорили.

— Николай Александрович, а как вся эта "артельная практика" отражается на вашем оригинальном живописном творчестве?

— Я все пытаюсь сделать грандиозно. Даже если эта картина 30 на 40 сантиметров, она должна быть не менее грандиозна, чем роспись храма Христа Спасителя. Из серьезных объектов я сделал росписи Русской православной церкви в префектуре Ниигата (Япония, 1994 год); росписи купола президентского дворца Сант-Антон на Мальте; в Ла-Валлетта — это русская православная часовня. Это росписи Толгского монастыря в Ярославле, это Введенский собор; алтарная часть, иконостас Крестовоздвиженской церкви там же, в Толгском монастыре. Последние две работы — это новая церковь, построенная в Самтердии в Грузии, подготовлены эскизы композиций для православной церкви в США. Конечно же, я не могу не отметить то, что мне удалось сделать в Ярославле, — скульптуру "Троица" рядом с тем местом, где стоял Успенский кафедральный собор, который разруши-

ли в 30-е годы. Я, конечно же, не прекращаю занятия станковой живописью. За последние годы у меня прошло несколько персональных выставок — две были в Штатах, в Голландии была персональная выставка, была большая персональная выставка в 97-м году в московском ЦДХ. Выставка была отчетная — 25 лет творческой деятельности. Было представлено 130 работ.

— Что все же предпочтительнее, исходя из вашего опыта, — воссоздавать, строить храмы заново или пытаться сохранить то, что хоть в какой-то мере уцелело?

— Все надо делать. Реставраторы должны бережно сохранить то, что осталось, они знают, как это делается. А там, где не удалось сохранить, появляются новые храмы, и очень жаль, когда они попадают в руки вульгарных богомазов. Мы такой живописи тоже много видим.

— Каким бы вы хотели видеть в России храм XXI века? Какому историческому событию вы бы его посвятили? Должно ли это быть особенное по стилистике архитектуры и живописи сооружение, или вы приверженец строгих традиций в религиозном искусстве?

— Мне очень нравится работать с архитектурой как художнику-монументалисту. Знаю законы, как это делается, как это строится. И если речь идет о храме, то не бывает храма такого, какой художник захотел. Храм — это частица ландшафта, того места, где он будет стоять. В этом ландшафте есть свои закономерности, горизонты, есть свои цветовые акценты. Придумать можно все что угодно. Если грамотный архитектор, он постарается гармонично войти в окружающую среду. Все взаимосвязано.

У меня есть мечта самому построить храм. Расписать стены и сделать иконы так, как я представляю их божественную красоту, так, как я представляю вот этот фаворский божественный свет, выразить свое отношение к Богу, к религии, к памяти. Это такая высокая идея, которая как бы движет мной, и, если будет угодно Богу, то я ее осуществлю.

Беседу вел
Елена РЖЕВСКАЯ